

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ВАЛЕНТИНОЙ ГАВРИЛОВНОЙ ФЕДОТОВОЙ

Одна из последних Ваших книг посвящена «хорошему обществу». С чем связан Ваш интерес к данной теме и что означает продвижение идеи хорошего общества в России?

Я написала эту книгу, противопоставив идею «хорошего», приемлемого для жизни общества стремлению построить «идеальное» общество, которое преследовало Россию как в советский, так и в постсоветский период. В 1800 г. Фихте опубликовал работу «Замкнутое торговое государство». В ней он говорил о том, что в замкнутом торговом государстве существует порядок, но отсутствует свобода. В разомкнутом государстве есть свобода, но нет порядка. Так качается маятник государственного устройства. «Как изменить это положение?» — спрашивает Фихте. И отвечает, что надо помыслить общество иначе. Мне хотелось помыслить общество иначе.

Кто Вы по профессии: философ, социальный философ и/или социолог?

Я социальный философ, видимо, склонный к взаимодействию с науками об обществе. Веду сектором социальной философии ИФ РАН, где являюсь членом двух специализированных диссертационных советов — по социальной философии и по философии политики. В МГИМО (У) МИД РФ я член диссертационного совета по социологии. Кроме того, я профессор кафедры культурологии социологического факультета МПГУ, несколько лет по совместительству работала на кафедре социологии Высшей школы экономики и позже — там же на кафедре философии. Но все это не свидетельство моих особенностей, а роста междисциплинарности в науке.

Что значит для Вас работа в Институте философии РАН (ИФ РАН)? Каковы Ваши профессиональные приоритеты: исследования, организационная и общественная активность?

Я люблю работать в значительных и значимых учреждениях. Преподавала философию в МФТИ — знаменитом физтехе, в МГУ и очень горжусь работой в Институте философии как наиболее престижным и творческом месте работы в моей профессии. Мой приоритет — исследовательская работа, я занята организацией исследовательской работы и научными экспертизами. Организаторская и общественная работа в академическом институте неотделима от научной деятельности.

В последнее время активно разворачивается дискуссия об общественной роли социологии и социальной философии. В чем, с Вашей точки зрения, проявляется специфика профессиональной и публичной социологии в России?

Я опубликовала на эту тему статью «Горизонты ожиданий — горизонты осуществлений» (Политический класс. 2008. № 7), в которой говорю о неадекватности ожиданий от отечественной социально-гуманитарной науки, игнорировании ее достижений и излишнем доверии к обыденному сознанию. Это видно на примере политических партий, ориентирующихся на повседневное сознание и отказавшихся как от идеологии, так и от научных концепций. В лучшем случае это может быть тактикой, но стратегии на этом не построишь. Я считаю, что достижения российской науки об обществе недостаточно использованы. Общество и власть не имеют адекватного понимания достижений российской науки об обществе как в ее автономном самооценном исследовательском значении, так и в плане ее значимости для социальной политики. Кроме того, приходится признать, что наши научные сообщества не слишком солидарны в оценке собственных результатов, а административная перестройка в РАН формализует оценки, нанося ущерб академическому стилю. Мы рады свободе, но подсчет баллов, которым мы занимались по полгода, чтобы нам высчитали зарплату, годится для рабочих-сдельщиков, а не для ученых.

Какое положение в Российской академии наук занимает Институт философии РАН и сектор социальной философии, которым Вы руководите?

Думаю, что Институт философии занимает достойное место, и сектор социальной философии тоже. Но философия сейчас находится в той же ситуации, что и другие общественные науки: недостаточная востребованность, например, в экспертизах социальных проектов и программ, а также недооценка значимости и практического использования полученных в этих областях знаний, в том числе нашим институтом и сектором, результатов. Многие представители естественных наук считают, что гуманитарные науки — это зло, с которым надо бороться. Один физик написал, что социальные науки — это блошинный рынок, на котором ищется что-то особенное. Возможно, он прав, но пересмотр существующего мирового научного опыта, характерный особенно для постмодернизма, самооценен для развития мысли и, кстати, находит социальные проекции. В целом же социология,

политология, экономическая наука, философия, история как носитель опыта занимаются весьма актуальными задачами.

Как Вам видится развитие рынка научных заказов? Какую нишу в нем занимает Ваш институт, ваш сектор? Как они выживают в новых условиях?

Рынок заказов, особенно коммерческих, невелик. Думаю, что у социологов он больше. Мы живем на зарплату, на гранты. Зарплата сейчас выше, но все равно ниже квалификации. Ориентация общества на единственный успех — в бизнесе — ставит интеллигенцию в положение людей, потерпевших поражение на рынке культуры. Поэтому Институт философии представляется мне оазисом, имеющим интеллектуальное и культурное значение образца, люди там работают не из-за денег.

Существует ли конкуренция между научными государственными и негосударственными учреждениями в сфере исследований, и насколько она способствует приросту научного знания?

Негосударственные научные учреждения «учредились» за счет больших средств, чем государственные. Но все же научная продукция государственных учреждений не уступает им. Академия наук сохраняет престиж и статус в России и в мире, а частные структуры в научной конкуренции занимают лишь некоторое место. Известные люди создают под себя научные мини-структуры, работающие, конечно. Но, на мой взгляд, иногда они более востребованы властью, чем институты РАН.

Участвует ли Ваш институт в реализации каких-либо образовательных программ? Означает ли эта практика постепенное вхождение академических учреждений в систему образования и таким образом слияние науки и системы образования, или это временный период?

Да, в РАН есть университет. Он называется ГУГН — Государственный университет гуманитарных наук. В Институте социологии есть социологический факультет, в Институте США и Канады — факультет международных отношений этого университета, в Институте философии — политологическая и философская специализации и пр. Специфика ГУГН в том, что в нем преподают профессиональные ученые, ориентированные не на готовое знание, а на процесс его получения. Это создает новую квалификацию.

Получает ли Ваш институт и сектор государственные заказы от федеральных и региональных органов власти и управления. Насколько значима роль такого рода заказных проектов для Института?

Иногда, чаще выделяются гранты. Но детали механизма мне неизвестны.

Что наиболее интересно для Вас как исследователя: какая проблематика, какие методы, какие стратегии?

Социальная, острая проблематика, метод — знать проблему, все ее решения, существующие на сегодня, и одновременно писать самой, всем своим

человеческим существом и опытом, не становясь равнодушным к проблеме, стратегии — наращивать концептуальное понимание, подниматься к построению теории.

Кто Вы как ученый и каков был Ваш путь в науке?

Я уважаю науку, не признаю в ней конъюнктурщиков и халтурщиков. Не-богатое существование очистило ее ряды от карьеристов. Я могла бы быть писателем, даже выиграла конкурс короткого рассказа. Может быть, я еще буду им. Но пока вижу большую важность рационального понимания в нашей стране, где рациональности не хватает. Литература сегодня слишком экспериментальна, тяготеет к стилистическим опытам, а философия и наука тоже своего рода писательство, в котором не потерян смысл и есть строгая система доказательств.

Моя кандидатская диссертация написана на материале русских структуралистов — Проппа, Веселовского. Мое первое образование — инженерное. От меня ждали апологии точных методов, но я сразу же встала на позиции понимания отличия социальных и гуманитарных наук от естествознания. Ведь Пропп написал не только о морфологии сказки, но и о ее исторических корнях, функционировании в качестве обряда.

Позже я выбрала натуралистическую и культур-центристскую исследовательскую программу. Написала книги о сциентизме и антисциентизме, практическом и духовном освоении действительности, которые читают и сегодня. Занималась методологией социального познания. В советское время я была зав. сектором с таким названием в ИФ РАН. Мы сделали все возможное, чтобы нашей методологией была не идеология, чтобы социально-гуманитарное знание освоило арсенал решений естествознания и обратило внимание на свою специфику. В частности, мы впервые в СССР обратились к анализу вненаучных форм знания.

С постперестойных времен я занимаюсь проблемой модернизации. Написала книгу о модернизации «другой» Европы, где Восточная Европа, Россия рассматривались не как отставший эшелон развития, а как регионы с собственной культурой. Изучала реформы в других странах и регионах, модели модернизации, в частности национальную модель модернизации, к которой сегодня тяготеют страны нового капитализма и хозяйственной демократии (Китай, Вьетнам). Проследила смену типов порядка в посткоммунистической России — анархический, апатический и ориентированный на ценность эффективности. Детально исследовала анархию и апатию, о которой в России почти никто не писал.

Работы последних лет связаны с анализом развития капитализма, соотношения экономики и общества на всем протяжении его существования, с выделением трех великих трансформаций, незавершенности модернизации и тремя типами модерни (современности). В октябре этого года выйдет книга «Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества», написанная совместно с В.А. Колпаковым и Н.Н. Федотовой.

Чем были вызваны Ваш выбор и приоритеты в профессиональной работе, увлечение наукой?

Я думаю, реальной турбулентностью социальных процессов, происходящих на глазах, всесторонними изменениями, в которых ученый может жить, только объяснив и поняв. Из этого возникает и увлечение наукой, философией — они могут помочь понять свое время.

Каковы связи между социальной философией и социологией? Если да, то в чем они выражаются и каков смысл их раздельного развития в современной науке?

Для этого номера журнала я написала статью, в которой идет речь о значении социологии для философа. Мы ведь всегда говорили о значении философии для социологии и прочих наук. Но именно признав значение других наук, мы расширяем возможности самой философии. Ведь факты философа — это теории специальных наук.

Как бы Вы охарактеризовали ситуацию в социальной философии и социологии в России и за рубежом?

Мне кажется, что за рубежом и вопрос такой не задали бы. Для них ситуация характеризуется признанием многих выдающихся философов и социологов. А у нас признаются коллективные измерения. Недавно был в России Ф. Фукуяма. Выступал во многих аудиториях. Всюду говорили: у нас многие не хуже. Но никто не назвал ни одного «нашего», не то, чтобы многих. «Если бы мы относились друг к другу, как Попперы и Фейерабенды, — сказал однажды мой коллега В. Порус, — мы давно бы были Попперами и Фейерабендами». Но Запад не печатает русских авторов в ведущих журналах по соображениям, которые можно назвать идеологическими: Запад обеспечивает приоритет своих концепций, а мы замкнуты в своем интеллектуальном круге и не делаем ничего, чтобы выйти на мировую сцену. Есть только один журнал РАН на английском языке по социально-гуманитарным наукам в России.

Кроме того, дисциплинарный расклад, столь нами ценимый, меньше признан на Западе. Не дисциплины, а проблемы характеризуют исследование. А проблемы требуют междисциплинарного подхода.

Особенно меня беспокоят местные полномочия провинциальных университетов, один из источников регионального «феодализма». На Западе маленький университет имеет вес, если в нем есть крупный ученый. Например, Южно-Иллинойский университет ничем не примечателен на карте американского образования, но там есть известный химик и Центр Дьюи, организованный философом — профессором Л. Хикманом. Это придает ему статус. У нас же местная университетская администрация делает нередко все, чтобы выдавить известного ученого. Я знаю многих ученых мирового уровня, затравленных в местных университетах «деревенской мафией» не слишком грамотных администраторов. Перельман в Санкт-Петербурге разве не пример, а уж что можно сделать с ученым в маленьком университете — лишить нагрузки, понизить в должности, травить, говорить, что ты «не наш».

Существуют ли в России самостоятельные научные школы в социальной философии и социологии? Если да, то что они собой представляют?

Объективно школы существуют: Момджан, Кемеров, Резник, наш институт, ростовские исследователи, если говорить о социальной философии. В социологии тоже. Но сообщества ученых не готовы признать школы. За-вистливые мы люди. И начальство не готово. Ревность, соперничество как у актеров.

Насколько изменилось положение социальной философии и социологии в России с 1989 г.?

Сначала теоретические разработки отставали от политического энтузиазма. Я знаю людей, которые были демократами, критиковали марксизм, но писали как чистые истматчики. Сейчас много новых интересных концепций, философы и социологи освоились с новыми задачами и свободой научного восприятия мира.

Как Вы оцениваете уровень современного социально-философского и социологического образования за рубежом и в России?

За рубежом высокий уровень образования только в крупных университетах. В других в социологическом образовании доминирует специальность «социальная работа», чисто практическая направленность. Философское образование тоже хорошо поставлено в известных университетах, если говорить о США. В Европе, я думаю, ситуация несколько иная. В Турции, в англоговорящем Босфорском университете, где я работала в 1992 г., был полный уход от турецких проблем в методологию науки, освоение Поппера, Фейерабенда и прочих концепций реконструкции науки, в анализ западных направлений социологии. Везде, включая Китай, море научной литературы. Американские книги по философии, социологии свободно продаются в Китае и стоят дешевле, чем в США. У нас нет книжных магазинов научной и философской литературы на языке оригинала. В Москве есть на Мясницкой при ВШЭ магазинчик устаревших книг за бешеные деньги, можно заказать новые за еще более бешеные. Есть хорошие переводы. Но все же мы сохраняем любимые черты автохтонности из-за дефицита литературы. Про глобализацию мало что могли прочитать из мировой литературы, но реализовали все свои заветные фантазии про лучший из миров и воссоединившееся человечество (те, кто подороже) и картину невозможного ужаса и гибели (те, кто помрачнее).

Способствовали и способствуют ли академические разработки в социальной философии и социологии решению ключевых проблем российского общества в 1970–1980-х годах и в настоящее время?

В советское время был пиетет по отношению к социальным наукам, но они имели идеологические ограничения. Это определяло их несколько декоративную роль. Сейчас идеологические ограничения сняты, а роль социально-гуманитарных наук упала даже в сравнении с СССР, не говоря о других

странах. Немецкое чудо — продукт ордолиберализма, японское чудо — проект коллективной продуктивности, предложенный японскими социологами, «третий путь» Т. Блэра был разработан известным социологом Э. Гидденсом, китайская реформа — следствие особого видения проблем Китая Дэн СяоПином и разработки китайской модели модернизации. У нас отдельно взятые ученые влияли на курс М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, но в тени оставались научные сообщества специалистов. Ни одного историка не пригласили, чтобы узнать, как было у других, хотя бы по поводу того же «сухого закона». О чем говорить, если премия великого историка А.И. Солженицина дается филологам, а не историкам. К счастью, философ А.С. Панарин получил эту премию. Солженицин — выдающийся писатель, исторический писатель. История же у нас не в чести. Мы живем в будущем.

Каково Ваше нынешнее восприятие атмосферы конца 1980 г. в Советском Союзе?

Перестройка внушала надежды, снимая запреты на собственное мнение, позволив открыто обсуждать прошлое и будущее. Но она открыла «свободу от», а не «свободу для», если использовать термины И. Берлина, и не реализовала возможности сделать «больше социализма», как хотел М.С. Горбачев, перейти к социал-демократии, как он стремился позже. Тут комбинация объективных и субъективных причин.

Что это был за период для Вас лично? Насколько значим этот период в вашей профессиональной деятельности?

История зашевелилась, и наука вместе с ней, и я. Отошла от спасительного ухода в методологию к анализу социальных проблем. Я благодарна М.С. Горбачеву за чтение моих книг, за его интерес и острую память. Правда, читать их он начал тогда, когда перестал быть президентом. Но в работе его Фонда, а также клуба «Свободное слово», организованного В.И. Толстыхом, где часто бывал Горбачев и его супруга, я с удовольствием участвовала.

Каково Ваше отношение к периоду перестройки и времени реформ 1990-х гг. в постсоветской России?

Это хорошие иллюстрации высказанного мной тезиса о дефиците научного знания и опоре на обыденное знание. То и другое могло пройти лучше.

Многие проблемы социально-экономического развития появились в 1980–1990-х годы. Как Вы оцениваете идущие с тех пор процессы формирования рыночной экономики, нового государства и гражданского общества?

Я далека от воспевания рынка, хотя он нужен. Я стою на позициях Ф. Бродедя, Дж. Арриги, И. Валлерстайна, которые не ограничивают экономику только рынком. Кроме того, я опубликовала статью «Западные либералы против российских западников», где устами Ф. Хайека говорю о неадекватности неолиберализма 1990-х. Да и кто этого теперь не говорит. Но я делала это и в 1990-е гг., не от тоски по коммунизму (у меня ее нет) и не потому, что

славянофил (я не славянофил и не евразиец), а потому, что реформы могли пойти по-другому, менее болезненно. О Б.Н. Ельцине я сказала так: страна забудет, что он делал, но не забудет стыда, которой он в ней вызывал и своей политикой нечестной приватизации, и своим обликом, и дирижированием оркестра. Разве кому-то не было стыдно?

Говорят: зато мы ушли от коммунизма. Я сама говорю, что история зашевелилась, а это нужно ученому. Но мы могли уйти от коммунизма с меньшими потерями и более грамотно, учитывая опыт истории и реформ других стран, без демагогии и своеволия и, в конце концов, без лжи.

Насколько Ваши концептуальные разработки в социальной философии в состоянии объяснить происходящее и спрогнозировать будущее развитие российского общества, власти и экономики?

Я к этому стремилась и, надеюсь, небезуспешно. Например, в книге «Хорошее общество» есть прогнозы развития России. Многое, о чем я писала в 1990-е, сбылось. Я хочу понять, что будет и что может быть. Прогнозы сегодня могут быть только сценарными, вариативными. В новой книге, о которой я упомянула, есть сценарные прогнозы развития Китая и азиатского региона.

Каков Ваш социологический и социально-экономический диагноз нашего времени?

Новым это время стало для западных стран. В выходящей книге этот тезис подробно обоснован, представлены сценарии развития. Впрочем, в 2007 г. я опубликовала его в журналах «Политический класс» и «Политический журнал».

Ваше теоретическое кредо?

Построить концепцию проблемы, которой сейчас занята. Мои книги, которые я стараюсь писать доступно и ярко, многие недоброжелатели называют публицистикой. Ну если философия только там, где скучно и неинтересно, может быть. Но вы не найдете ни одной моей статьи или книги, где нет новой концепции.

Какие проблемы и темы привлекают Ваше внимание в начале XXI столетия?

Эволюция капитализма. Новое время для западных стран, продолжающее «проект модерна», консюмеризм, ценностные изменения, соотношение экономики и общества. Мои публикации отражают эти проблемы. Я не могу писать о том, что мне неинтересно.

Что мешает и что помогает Вам в научной работе?

Мешает отсутствие «сцены», если таковое случается. Так я называю некий процесс если не игнорирования, то умолчания идей и результатов, которое подчас встречается в нашей конкурентной среде. Но оно же стимул.

Большим стимулом является, разумеется, интерес коллег, признание, собственное ощущение удачи.

Ваше хобби?

Путешествия. Поехать куда-то, как говорят французы, это изменить идею. Я человек чувственной рациональности, мне для работы тоже нужны впечатления, люди, которые удивляют или восхищают. Новые места. А для жизни особенно.

Ваши научные планы и намерения?

Пока жива и в силах, писать. Как говорил А. Битов, «жизнь без изображения не наблюдаема».

Приложение к интервью

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, академик Академии гуманитарных наук (РАГН), Академии естественных наук (РАЕН), зав. сектором социальной философии Института философии Российской академии наук (РАН).

Окончила Политехнический институт в Пензе, аспирантуру кафедры философии естественных факультетов МГУ. Защитила кандидатскую диссертацию. Докторскую диссертацию «Социально-культурная обусловленность методологии социального познания» защитила в Институте философии РАН (Москва, 1985 г.).

Автор восьми монографий и более 200 статей. Некоторые публикации переведены на английский, немецкий, болгарский, вьетнамский языки.

Профессор кафедры философии Босфорского университета. Стамбул, Турция. 1992–1993 гг.; Фулбрайтровский стипендиат-исследователь. Колумбийский университет. Институт Гарримана. Нью-Йорк, США. 1997–1998 гг. Посещение университетов Германии, Норвегии, Вьетнама, Китая, США для чтения лекций и научных исследований. Грант фонда Макартуров.

Выступала с докладами на многих конференциях в США, Норвегии, Германии. Польши, Индии, Китая, Вьетнама, Турции, Венгрии, России. Участник Всемирных философских конгрессов. В 2003 г. сделала доклады «Модернизация и глобализация» и «Терроризм: попытка концептуализации» на Всемирном философском конгрессе «Философия перед лицом мировых проблем». Стамбул. Август 2003 г.; на Всероссийском философском конгрессе в Ростове, 2002 г., Москве, 2005 г.; на конференции Бостонского университета в Вене по проблеме «Православие и экономика». Март 2005 г., в 2006 г. и 2004 г. в Китае и во Вьетнаме и др.

Основные исследовательские проекты: «Человек в экономике и других социальных средах», «Социальный порядок и экономика», «Ценностная динамика российского общества», «Экосоциология» и др.

Основные публикации

Монографии

Критика социокультурных ориентаций в современной буржуазной философии: сциентизм и антисциентизм. М.: Наука, 1981.

Практическое и духовное освоение действительности. М.: Наука, 1991.

В поисках социальной гармонии Свердловск: Изд-во Свердловского университета. 1990. (В соавторстве с В.В. Козловским).

Теория и жизненный мир. Отв. ред. и автор части текста. М.: ИФ РАН, 1995.

Модернизация: от равенства к свободе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. (В соавторстве с В.В. Козловским и А.И. Уткиным).

Модернизация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997.

На перепутье. Новые вехи. М.: Логос, 1999. (В соавторстве с А.С. Панариным, Н.Е. Покровским, А.И. Уткиным).

Анархия и порядок. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Социальные знания и социальные изменения. Отв. ред. и автор части текста. М.: ИФ РАН, 2001.

Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. Отв. ред. и автор части текста М.: ИФ РАН, 2002.

«Хорошее общество». Социальное конструирование приемлемого для жизни общества. Отв. ред. и автор части текста. М.: ИФ РАН, 2003.

Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2006.

Статьи последних лет

Россия в глобальном и внутреннем мире // Мир России. 2000. № 4.

«Вехи» и новая попытка трансформировать Россию // Связь времен. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Когда нет протестантской этики... // Вопросы философии. 2001. № 10.

«Хорошее общество», «хорошая наука», «хороший человек» // Бюллетень Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 3.

Глобализация: понятия, противоречия, вызовы // Традиция, новые ценности и социальные трансформации. М.: МГИМО, 2001.

Модернизация и глобализация // Мегатренды мирового развития. М.: Экономика, 2001.

Россия, Восток и Запад // Философские науки. 2002. № 1, 2.

Третий путь // Свободная мысль. 2002. № 2.

Проблема экспертной оценки в социальной сфере // Очерки социальной инженерии. От утопии к организации. М.: УРСС, 2002.

Социальное государство и рынок // Свободная мысль. 2002. № 7.

Терроризм: попытка концептуализации // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4.

Неклассическая модернизация и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12.

Терроризм старый и новый // Философские науки. 2003. № 2.

Глобализация и терроризм // Cosmopolis. 2003. № 3.

Мир культур против культуры мира // Свободная мысль. 2003. № 9.

Модернизационный проект для России: население и территория // Свободная мысль. 2003. № 2.

Социальное конструирование приемлемого для жизни общества // Вопросы философии. 2003. № 11.

«Вечный мир», война и терроризм // Cosmopolis. 2004. № 3.

Коммуникация и диалог в науке и за ее пределами // Общественные науки и современность. 2004. № 5.

Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 3.

Русская апатия как противостояние хаосу // Политический класс. 2005. № 1.

Социальный порядок и экономика // Главная тема. 2005. № 5.

- Сценарии российского будущего как отражение того, какой мы хотим видеть Россию // Главная тема. 1995. № 6.
- Манипуляция как субститут демократии // Главная тема. 2005. № 7.
- Жизнь как вид бизнеса // Политический класс. 2005. № 9.
- Факторы ценностных изменений в России и на Западе // Вопросы философии. 2005. № 11.
- Прогресс в контексте реальных глобальных трансформаций // Cosmopolis. 2006. № 1.
- Будущее российского капитализма // Политический класс. 2006.
- Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. № 5. (В соавторстве с В.Г. Буровым).
- Участие в круглом столе «Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа» // Вопросы философии. 2007. № 6.
- Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Вопросы философии. 2007. № 9.
- Этика и капитализм. Пути объединения // Политический класс. 2007. № 1.
- Второе дыхание Вестфальской системы. Капитализм, индустриализм, нация и национализм сегодня // Политический класс. 2007. № 4.
- Государственное вмешательство в капиталистическую экономику. Изменчивые отношения государства и экономики // Политический класс. 2007. № 8.
- Социальная философия и науки об обществе // Актуальные проблемы философии науки. М.: Прогресс-Традиция, 2007.
- Человеческий капитал, персональная модернизация и развитие человека // Знание. Понимание. Умение: Научный журнал МГУ. 2007. № 1, 2.
- Новое Новое время для незападных стран // Политический журнал. 2007. Ноябрь.
- Союз двух Евразий // Смысл. 2007. № 12–13. (В соавторстве с А. Уткиным).
- Вторая Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени: Послесловие // Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция. 2007. (В соавторстве с Н.Н. Федотовой).
- Западные либералы против российских западников // Проблемы российского самосознания. Материалы Первой Всероссийской конференции, 26–28 октября 2006 г., Москва–Орел. М.: ИФРАН, 2007.
- Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Вопросы философии. 2007. № 9.
- Государственное вмешательство в капиталистическую экономику. Изменчивые отношения государства и экономики // Политический класс. 2007. № 7, 8.
- Социальная философия и науки об обществе // Актуальные проблемы философии науки. М.: Прогресс-Традиция, 2007.
- Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества // Вопросы философии. 2008. № 8. (В соавторстве с В.А. Колпаковым, Н.Н. Федотовой).
- Горизонты ожиданий — горизонты осуществлений // Политический класс. 2008. № 7.